

Чу Бинхуань украдкой прокрался в передний зал, размышляя о том, что эти двое парней действительно действуют без промедления: только что обсудили метод — и тут же приступили к его реализации.

Бабушка Цзян смиренно произнесла:

— Молодой господин Цянь, я всего лишь подаю чай, не заслуживаю таких щедрых наград.

Молодой господин Цянь раздражённо ответил:

— Бери, что дают, и не разглагольствуй!

Бабушка Цзян смутилась:

— Но это...

— Молодой господин Цянь, — вмешался Хуа Чэ, забирая у бабушки Цзян серебряный билет и с лёгкой усмешкой оглядывая молодого господина с ног до головы. — Вы ведь не из числа бессмертных, верно?

Молодой господин Цянь поднял бровь:

— А ты кто такой?

— Почему вы даёте ей награду?

— Какое тебе дело?

Хуа Чэ неспеша продолжил:

— А если она откажется?

Молодой господин Цянь вскочил со стула:

— Эй! Кто ты такой, чтобы решать? Я даю, а она обязана принять! Какое это имеет отношение к тебе?

— Я всего лишь сказал шесть слов, зачем так волноваться? — Хуа Чэ положил серебряный билет на стол. — Кто тебя подослал?

Взгляд молодого господина Цянь стал беспокойным:

— О чём ты вообще говоришь?

— Не хочешь сказать? — В глазах Хуа Чэ мелькнула жёсткость, и молодой господин Цянь, смутившись, развернулся и бросился бежать.

Едва Хуа Чэ собрался преследовать его, как Чу Бинхуань взмахнул рукавом, и все свечи в Хмельном тереме мгновенно погасли, погрузив помещение в полную темноту!

Даже для культиваторов, чьё зрение превосходит обычное, в такой ситуации требовалось время, чтобы адаптироваться, не говоря уже о том, что люди в Хмельном тереме были напуганы, и началась суматоха.

Хуа Чэ не растерялся и быстро произнёс заклинание ясного пламени, зажигая все свечи в помещении.

Весь процесс занял меньше десяти секунд, и Хуа Чэ сразу заметил молодого господина Цянь, переступающего порог. Сделав пару шагов, он увидел, как в зал ворвался рой разноцветных бабочек, вызвав новую волну хаоса.

Когда Хуа Чэ наконец выбрался наружу, молодого господина Цянь и след простыл.

Чу Бинхуань подошёл сзади:

— Не стоит преследовать его, бабушка Цзян всё ещё внутри.

Бабочки оказались не настоящими, а созданными из истинной энергии, и через мгновение рассеялись. Убедившись, что бабушка Цзян не пострадала от беспорядков, Хуа Чэ облегчённо вздохнул.

Затем он резко повернулся к Чу Бинхуаню:

— Это ведь ты устроил всё это, не так ли?

Чу Бинхуань, словно пойманный на месте преступления, отвёл взгляд:

— Ты слишком много думаешь.

— Правда? Какое совпадение: сначала свечи погасли, потом появились бабочки, созданные из истинной энергии. — Хуа Чэ скрестил руки на груди, и на его губах появилась едва заметная насмешка. — Молодой господин Цянь — известная личность в Ханчжоу, пока он жив, я рано или поздно узнаю правду.

Хуа Чэ намеренно сделал паузу:

— Если кто-то намерен упорствовать, лучше бы ему сейчас же устранить свидетеля.

Чу Бинхуань с самого начала понимал, что ему не удастся скрыть правду:

— Это я.

— Хм, — Хуа Чэ усмехнулся, откинувшись на круглый стол. — Объясни, что к чему, господин Чу! Я, конечно, беден, но до голодной смерти ещё не дошёл, зачем тебе понадобилось так изошрённо мне помогать?

Хуа Чэ не знал, как реагировать.

Должен ли он быть тронут заботой Чу Бинхуаня?

Или разгневан его снисхождением?

В прошлой жизни Чу Бинхуань презирал его, во-первых, потому что был полностью поглощён своим путём и медициной. Его сердце было наполнено только этими вещами, и не оставалось места для кого-либо другого.

Во-вторых, из-за его низкого происхождения.

Один — из знатного рода культиваторов, другой — сын проститутки.

Хуа Чэ понимал своё место и был уверен, что Чу Бинхуань презирает его, как, впрочем, и все остальные.

Чу Бинхуань, понимая, что Хуа Чэ чувствует себя ущербным, с болью в сердце сдержал желание обнять его и постарался говорить мягче:

— Ты ошибаешься, я не жалею тебя и тем более не презираю.

Хуа Чэ удивлённо посмотрел на него.

— Бабушка Цзян для тебя как родная бабушка, и я обязан заботиться о ней. После смерти твоей матери она не бросила тебя, а верно осталась рядом, заботясь о тебе. Я благодарен ей, и эти деньги не имеют к тебе отношения, я хотел дать их ей.

Чу Бинхуань глубоко взглянул на Хуа Чэ:

— И, пожалуйста, не говори о помощи. У нас с тобой есть помолвка, мы — одно целое, моё — это твоё.

Сердце Хуа Чэ согрелось, и глаза невольно наполнились слезами.

Если бы эти слова были сказаны в прошлой жизни, он, наверное, был бы до глубины души

тронут.

— Ещё не пил, а уже пьян, — Хуа Чэ встал и почти бежал прочь.

Прежнее желание превратилось в нынешний страх.

Он с трудом отпустил прошлое и не хотел снова окунуться в него из-за сладких слов.

Чу Бинхуань смотрел на удаляющуюся фигуру Хуа Чэ, не собираясь его преследовать. Он знал, что здесь спешить нельзя.

Сейчас Хуа Чэ было всего шестнадцать, и он был совсем не похож на того могущественного и коварного Владыку Демонов из прошлой жизни. Внутри он оставался невинным и чистым. Хотя внешне он старался выглядеть опытным соблазнителем, его лицо было тоньше бумаги.

Как бы то ни было, в этой жизни он не упустит его.

В тот же вечер Хуа Чэ попрощался с бабушкой Цзян и поспешно вернулся в Чертог Линсяо.

Мужун Са и Линь Янь вернулись на полдня раньше, привезя с собой множество местных деликатесов, которые теперь поручили Чжуан Сяоу приготовить на кухне.

Мужун Са таинственно подозвал Хуа Чэ в сторону:

— Ну как, договорился с Чу Тяньюем?

Хуа Чэ, глядя на голубое небо, вздохнул:

— Кажется, стало только хуже.

— Что?

— Ладно, не стоит объяснять, голова болит. — Хуа Чэ потер виски, естественно переведя разговор. — А ты как, съездил с Линь Янем в деревню, какие впечатления?

— Ха-ха-ха, было здорово! — Мужун Са оживился. — Жаль, что ты не поехал с нами, у Линь Яня три брата, две сестры и младший брат, а ещё родители и бабушка. Вся семья такая шумная, за едой даже дрались!

Хуа Чэ мог представить эту картину.

Культиваторы живут долго, вдохновляясь энергией ци, чтобы очистить тело от мирской грязи. После закладки основания их продолжительность жизни превышает обычную. Достигнув

золотого ядра, они получают двести лет жизни.

Ожидалось, что возвращение Линь Яня домой будет сопровождаться слезами и прощаниями. Мужун Са даже приготовил платок, чтобы вытереть слёзы, но...

Все соседи пришли поздравить, а отец Линь Яня зарезал свинью в честь предков, говоря, что в их семье появился бессмертный, что принесло огромную славу.

Все смеялись и веселились, где уж тут было печалиться?

После целого дня шумных празднеств Мужун Са, кажется, заметил, что Линь Янь не был счастлив.

Вечером он нашёл Линь Яня на крыше, наслаждающегося ветром.

Линь Янь горько усмехнулся:

— Впервые они так меня ценят!

— Я средний ребёнок в семье, старший брат, младшие брат и сестра. Новую одежду носил старший брат, второй брат — старую, третий — с заплатками, а я... носил порванную. Лучшие куски мяса доставались младшему брату, сладкая вода — сестре, а мне — только работа.

— Я рубил дрова в горах, работал в поле, стирал, готовил и доил коз, чтобы напоить сестру. Она была недоношенной, и ей нужно было укреплять здоровье. Я родился в срок и был крепким, поэтому лучшую еду отдавали младшим, а старшие братья учились и готовились к экзаменам, им тоже нужно было хорошо питаться.

Мужун Са, будучи единственным ребёнком, избалованным с детства, не мог полностью понять это, но слова Линь Яня растрогали его.

— Ты их ненавидишь? — спросил Мужун Са.

Линь Янь задумался и мягко покачал головой:

— Это мои родные братья и сестра, я не ненавижу их. Просто... мне немного грустно, что сегодня они так обо мне заботятся, это для меня неожиданно.

— Не грусти, — Мужун Са обнял Линь Яня за плечи. — С этого момента я тебя защищаю! У меня полно денег, что бы ты ни хотел, даже повара из императорского дворца я тебе привезу!

Линь Янь рассмеялся.

Все ученики вернулись, и Чжуан Тянь открыл давно закрытую библиотеку, разрешив ученикам

самим искать книги и задавать вопросы, если что-то непонятно.

Чу Бинхуань знал наизусть все медицинские трактаты, и его понимание, вероятно, было глубже, чем у кого-либо другого. Поэтому он был лучшим учеником в Чертоге Линсяо.

Хуа Чэ был незнаком с музыкальной культивацией, но его мастерство в музыке поражало Чжуан Тяня, и ему не требовалось руководство.

Единственным, о ком беспокоился Чжуан Тянь, был Линь Янь.

<http://bllate.org/book/15412/1362933>